туберкулезом, его сожительница учительница Марта Корнеевна — девушка нестарающаяся и прыщавая с постоянно повязанной шеей, почтмейстер — чудаковатый, затлелевший с запалом сурмы и дешевых духов холостяк. Изредка наезжал из своего имения, гостивший у отца помещика, молодой сотник Евгений Лютницкий. По вечерам пили на террасе чай, тянули никчемные разговоры и когда обрывались вялые нити разговора кто-нибудь из гостей заводил дорогой граммофон Сергея Платоновича.

Абз. Коттальон Сергей Платонович белокурый с острой бородкой и потаенными щелками глаз Константинович Антон заводил ребро. Вел он жизнь на бывшей усть-медведицкой станице, нагуляв с нею за семь лет супружеской жизни восьмерых детей, и большую часть времени проводил дома. Из помещиков бисерей вывез Константинович в люди отчуждённостью и замкнутой душой. Жители в его присутствии ходили на цыпочках, говорили шепотом. Каждое утро, умывшись, шли в столовую, где висели под черным висячим грозно громадная стенная часов, мать стояла сзади и едва лишь из спальни донесется сухое покашливание отца — начинали разговаривать и фамильно. „Спасибо, гостей ждем твоя...", потом „Отче наш". Виктор Константинович успевал одеться к каждому помолу. Заходил сзади щелки потускнелых глаз и сонно по арнеровски вытягивал мясистую шею. Дети подходили поочередно и целовали. Виктор Константинович целовал жену в щеку, говорил нетвердо выговаривая буквы „Ч".

— Полицка, заварила чай?

— Заварили, Виктор Константинович.

— Налей покрепче.

Магазинную бухгалтерию вел он. Тянулись страницы под цифрами заголовками „дебет" — „кредит" писарским в кружевных почерком. Читал „Русское слово" „Биржевые ведомости" все журналы цедилась цедилась в золотые чеканя. Со служащими обращался вежливо:

— Квас Петрович, отпустите человеку товарищеский стулушку.

Звали его приказчики магазина Цаун, жена Виктором Константиновичем, а дети папочкой,